

A man and a woman are walking away from the camera down a narrow, cobblestone street at night. The man is on the left, wearing a dark, heavy coat. The woman is on the right, wearing a dark, long-sleeved dress. The street is illuminated by warm, yellow streetlights, and the buildings on either side are dark. A sign for 'FISCHOTTI' is visible on the left. The overall atmosphere is mysterious and cinematic.

Лана Рей

"Древняя кровь"

Лана Рей

"Древняя кровь"

<https://litres.ru/73952088>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В школе и дома её не замечают. Она привыкла быть невидимкой. Но однажды ночью в переулке она встречает его — древнего вампира, который привык, что все подчиняются.

Он хочет её кровь. Но она не боится. Не дрожит. И не поддаётся его внушению.

Ник не понимает, как это возможно. Впервые за сотни лет кто-то осмелился ему отказать. Теперь он хочет не просто укусить. Он хочет сломать её.

Но Лана не сдаётся. Даже когда он запирает её в своём особняке. Даже когда его брат-психопат начинает охоту.

Потому что в ней просыпается древняя магия. И она опаснее любого вампира.

Сможет ли Ник удержать её — или она уничтожит его первым?»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лана Рей

"Древняя кровь"

Глава 1

Глава 1. Та, кого не видят

Бар в Новом Орлеане встречал запахом виски и дешёвых сигарет, скрипом табуретов, тусклым светом.

Лана вытерла стойку в сотый раз, хотя на ней не было ни пятнышка. Просто нужно было чем-то занять руки.

— Лан, ты сегодня какая-то никакая, — сказал хозяин. — Иди домой. Всё равно уже никого нет.

Она кивнула, сняла фартук, сунула его под стойку и взяла рюкзак.

Четыре часа утра.

Новый Орлеан по ночам становился слегка мистическим — как будто тени двигались сами по себе.

Лана свернула в переулок. Так короче.

Она не услышала шагов. Только почувствовала — что-то изменилось. Воздух стал тяжелее. Как перед грозой.

Лана остановилась.

— Не бойся.

Голос был низкий, спокойный. Слишком спокойный. Как будто тот, кто говорил, точно знал, что ей ничего не угрожает. Или ему было всё равно.

Она обернулась.

Он стоял в трёх метрах. Высокий, светлые волосы, коричневая кожаная куртка, чёрная майка, джинсы.

Глаза — ледяные, как зимняя река, без единой эмоции, что лучше бы она не видела.

Но самое странное — она не испугалась.

Обычно она боялась. Луизы, когда та орала. Лив, когда та закатывала истерику. Собственного будущего, которого, казалось, не существовало.

А его — нет.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты идёшь домой поздно, — сказал он, и в голосе проскользнула насмешка. — Опасно.

Она должна была замереть. Должна была почувствовать, как воля куда-то исчезает, как тело перестаёт слушаться.

Ничего.

— Опасно? — переспросила Лана. — Ты мне угрожаешь или заботишься?

Он моргнул.

Первый раз за сотни лет. Может быть, второй.

Он сделал шаг вперёд. Она не отступила.

— Смотри на меня, — произнёс он тихо, властно. — Не кричи. Не дёргайся. Дай мне...

— Ты чё, ненормальный?

Слова вырвались раньше, чем она подумала.

Он замер.

— Тебе чего от меня надо? Денег нет. Сигарет нет. Телом не торгую. Так что проваливай, дай пройти.

Он сделал ещё шаг. Она — тоже. Теперь они стояли в полуметре.

— Почему ты не подчиняешься? — спросил он.

— А должна? — Лана скрестила руки на груди. — Ты кто вообще?

Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Хотя нет — так смотрят на то, чего не должно существовать.

— Ты не носишь вербену, — сказал он. — Я чувствую.

— Вербену? — Лана фыркнула. — Ты ещё про приворотное зелье спроси.

Я устала, понял? У меня через два часа экзамен, потом смена. Мне не до твоих игр.

Повисла тишина.

Он сделал шаг назад.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Никак, — ответила Лана и пошла дальше. — Пока.

Она прошла мимо него. Не обернулась.

Сердце колотилось где-то в горле, но она не показала.

Он остался стоять в переулке.

Впервые за сотни лет кто-то его отшил.

Она влетела в квартиру, тихо закрыла дверь.

Пустой коридор, запах вчерашнего ужина.

Луиза, наверное, уже на работе.

Лана скинула куртку на пол, подошла к зеркалу в прихожей.

— Псих какой-то, — прошептала она. — Точно псих.

Но в глубине глаз — не тех, что смотрели на неё из зеркала, а тех, что горели в переулке, — было что-то, что заставило её сердце биться чаще.

Не от страха.

От любопытства.

Лана проснулась от того, что на кухне гремели тарелками.

Она села на кровати, посмотрела на телефон — будильник ещё не звонил.

Луиза всегда вставала раньше.

Лана натянула чёрное платье, сверху накинула джинсовку и вышла в коридор.

На кухне уже сидела Лив. Луиза стояла у плиты.

— Доброе утро, — сказала Лана, садясь за стол.

Мать даже не повернулась.

— Я не успела тебе приготовить завтрак, — бросила она через плечо. — Найди что-нибудь в холодильнике.

Лана посмотрела на стол. Лив уже ела. Горячие тосты, яичница, сок.

— Привет, сестрёнка, — сказала Лив, не поднимая глаз

от телефона.

— Привет.

Лана встала, открыла холодильник. Вчерашний рис. Йогурт. Полбанки томатной пасты.

Она закрыла дверцу.

— Я в школе перекушу, — сказала она.

— Как хочешь, — ответила Луиза.

Лана вышла из кухни. Собрала рюкзак. Натянула кеды у двери.

Никто не спросил, как она спала. Никто не заметил, что она почти ничего не ест уже третью неделю.

Она закрыла за собой дверь и выдохнула.

— Нормально, — сказала она себе. — Ещё один день.

В школе всё было как обычно.

На первом уроке она ответила на пару вопросов, получила пятёрку, села на место. Учитель даже не посмотрел в её сторону.

На перемене Лана сидела на подоконнике в коридоре, жевала купленное в автомате печенье и листала ленту в телефоне.

— Лана, — окликнул её Тайлер. — Платье тебе идёт.- Лана поморщилась.

— Спасибо, — сухо ответила она.

— Может, после школы куда-нибудь сходим? Я знаю одно место...

— У меня работа, — перебила Лана, вставая с подоконника.

— Вечно ты занята, — он улыбнулся, но от его улыбки стало не по себе.

— Ладно, в другой раз.

Лана ушла, не оборачиваясь.

После школы — смена в баре.

Она переделалась, завязала волосы в хвост, подошла к маленькому зеркалу за стойкой и на секунду замерла.

Из зеркала на неё смотрела молодая девушка.

Брюнетка с карими глазами, невысокая, стройная. Тёмные волосы до плеч, лицо без косметики.

На первый взгляд — обычная школьница, каких тысячи.

Но что-то в ней было. Что-то, что заставляло присмотреться.

В глубине глаз — искра, которую никто не замечал.

Потому что никто не смотрел.

Лана вздохнула и вышла за стойку.

— Лан, сегодня будет шумно, — сказал хозяин, вытирая бокалы. — В пятницу вечером всегда так.

Она кивнула.

К девяти вечера бар наполнился.

Лана разносила заказы, принимала оплату, улыбалась, когда просили улыбнуться.

Обычная работа.

Она уже почти забыла про того странного типа в переулке.

Почти.

Она обернулась, потому что кто-то сел за стойку прямо перед ней.

И замерла.

Он был здесь.

Тот же светлые волосы. Та же коричневая кожаная куртка.

Чёрная майка.

Глаза, которые она пыталась забыть.

Он смотрел на неё, и его губы изогнулись в лёгкой усмешке.

— Привет, — сказал он. — Ты работаешь здесь.

Это был не вопрос.

Лана выдавила из себя:

— Чего тебе?

Он наклонился ближе.

Она ждала, что сейчас он снова прикажет ей смотреть, подчиниться. Но он просто сказал:

— Хочу пить.

Лана посмотрела на него. Он выглядел на двадцать — двадцать пять. Взрослый.

Она молча взяла бутылку и налила в стакан.

Он не сводил с неё глаз.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — сказал он тихо.

Он встал, положил на стойку купюру и вышел.

Лана смотрела ему вслед.

Купюра была крупная. Очень крупная.
Она сунула её в карман фартука, не считая.
Сердце колотилось где-то в горле.
Она не знала, как он нашёл её. Не знала, чего он хотел.
Не знала даже его имени.
Но знала одно — это не было случайностью.
Новый Орлеан никогда не спал спокойно.
Особенно после того, как в нём появился он...

Глава 2

Утро началось как обычно. Луиза гремела кастрюлями на кухне, Лив сидела в телефоне, не поднимая головы. Лана натянула первое, что попало под руку — джинсы и свободную футболку, — сунула скетчбук в рюкзак и вышла из дома. Никто не спросил, как она спала. В школе она громко засмеялась, заходя в класс. Учитель поднял бровь, но ничего не сказал. Но сегодня Лане хотелось шуметь. Или делала вид, что хотелось. Она плюхнулась на заднюю парту, открыла скетчбук и начала рисовать кипарисы. — Опять твои деревья? — раздалось над ухом. Лана подняла голову и широко улыбнулась. — А тебе что за дело? Хочешь заказать портрет? Рядом стояла Зои. Высокая, светловолосая, с серыми спокойными глазами. Волосы гладко зачёсаны назад, на шею — один серебряный кулон. Одета в простые чёрные брюки и серую водолазку. Она не улыбалась, не жевала жвачку, не смотрела в телефон. Просто стояла и смотрела на Лану. Тихая. Спокойная. Как скала. — Выставка сегодня на Французском квартале, — сказала Зои ровным голосом. — Пойдём. Лана захлопнула скетчбук. — А там кормить будут? Я умираю с голоду. Зои не улыбнулась, но в глазах мелькнула искра. — Будут. — Тогда погнали. После школы Лана зашла домой, бросила рюкзак на кровать и подошла к шкафу. Выбрала короткие шорты, лёгкую майку. Яркую. Розовую. Захва-

тила скетчбук. В зеркале отражалась она — девушка, которую никто не замечал. Но сегодня её собственные глаза показались ей чужими. Слишком блестящими. Слишком живыми. Только она сама этого не замечала. Она выскочила из дома, насвистывая какую-то мелодию. Зои уже ждала на улице. — Ты сегодня громкая, — заметила она. — А я всегда громкая, — ответила Лана, подмигнув. Они пошли к автобусной остановке. Зои молчала, Лана болтала обо всём подряд — об учителях, о странном типе в переулке, о том, что неплохо бы купить новые маркеры. Зои слушала. Не перебивала. Просто шла рядом. Выставка проходила на маленькой улочке Французского квартала. Горели фонари, висели картины, пахло джазом и жареными креветками из соседнего кафе. Лана оживлённо комментировала каждую картину, строила рожицы, спорила с авторами. Зои шла следом, иногда кивая, иногда бросая короткую фразу, которая отрезвляла Лану. Одна картина привлекла её внимание — старый лес, кипарисы, лунный свет на воде. Лана замерла. Это напоминало ей те места, которые она рисовала. — Нравится? — раздалось за спиной. Лана вздрогнула. Она узнала голос. Он стоял в двух шагах. Коричневая кожаная куртка, чёрная майка. Тёмные джинсы. Светлые волосы падали на лоб. Лана мгновенно натянула улыбку. — О, привет! Следишь за мной? Не боишься, что я заявлю в полицию? Он усмехнулся. — Просто люблю искусство. Зои подняла голову, посмотрела на него, потом на Лану. Не сказала ни слова. Просто отошла на шаг

назад, давая пространство.— Покажешь, что рисуешь? — он кивнул на скетчбук.— Только если ты покажешь свои татуировки, — парировала Лана. — У тебя же они есть, да? Я вижу краешек на запястье.Он инстинктивно дёрнул рукав ниже.— Нет у меня татуировок.— А жаль. Было бы о чём поговорить.Он сделал шаг ближе. Лана не отступила — позади была стена с картиной.— А если я скажу, что я здесь не из-за тебя? Что я действительно пришёл посмотреть на живопись?— Тогда иди смотри. Я никуда не убегая.Она улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз.Он долго смотрел на неё. Потом отступил.— Ты не перестаёшь меня удивлять, ты ещё и художница.— А ты не перестаёшь меня раздражать, — ответила Лана. — Но всё равно приятно познакомиться.Он ушёл в толпу. Не оглянулся.Лана выдохнула. Плечи опустились. Улыбка исчезла.Зои подошла ближе.— Кто это был? — Я сама хотела бы знать.— Он опасен, — тихо сказала Зои.Лана посмотрела на неё. В голосе подруги не было страха — только констатация факта.— Знаю, — ответила Лана. — Пойдём домой.Она не помнила, как добралась до дома. Влетела в квартиру, тихо закрыла дверь.Луиза уже спала. Лив — наверное, в своей комнате.Лана скинула кеды, подошла к зеркалу в прихожей. Улыбка не возвращалась. Из зеркала на неё смотрели чужие глаза — те самые, чёрные, что горели на выставке. Она моргнула, и наваждение исчезло.— Идиот какой-то, — прошептала она себе.Но сердце колотилось. Не от страха. От любопытства.Она закрыла дверь в спаль-

ню и прислонилась к ней спиной. Комната встретила её привычным уютом. Стены мягкого серо-голубого цвета. У стены — старая деревянная кровать, застеленная пледом в клетку. На полу — потертый ковер, помнящий её детство. Но главное — окно. Широкое, почти во всю стену, с большим деревянным подоконником. Лана любила забираться на него с ногами, прижимать колени к груди и смотреть на улицу. Летом — на закат. Зимой — на снег. На подоконнике всегда лежали скетчбук и пара карандашей. На стенах — её рисунки. Кипарисы, старые дома, портреты незнакомцев. Никаких постеров, никаких звёзд. Только то, что она нарисовала сама. На тумбочке у кровати — кружка с остывшим чаем и стопка книг. Фэнтези, любовные романы и старые детективы. Лана любила выдуманные миры — там хотя бы было понятно, кто друг, а кто враг. В углу — маленький письменный стол, заваленный карандашами, маркерами и листами бумаги. Она подошла к окну, забралась на подоконник и обхватила колени руками. За окном мерцали огни Нового Орлеана. Где-то там, в этой толпе, ходил он. Лана достала скетчбук и начала рисовать. Не кипарисы. Не лес. Глаза. Те самые. Чёрные, бездонные. Она не знала зачем. Рука рисовала сама. Кто он? — думала Лана, проводя карандашом по бумаге. Почему он следит за мной? Почему не нападает, не угрожает, а просто... смотрит? Она вспомнила его усмешку, его голос, его слова: «Ты не перестаёшь меня удивлять». С чего он взял, что я должна его бояться? Она остановилась, посмотрела на ри-

сунок. Глаза смотрели на неё со скетчбука. Тёмные, глубокие, пугающие и притягательные одновременно.— Ты кто? — прошептала Лана в пустоту. Ответа не было. Но она почему-то улыбнулась. Тихо. Сама себе. За окном мерцали огни Нового Орлеана. Ответа не было.

Глава 3

Веками он почти не спал. Сон был для слабых. Для тех, кто не мог смотреть правде в глаза. Он же предпочитал темноту. Особняк на окраине Французского квартала. Старые стены помнили пожары, эпидемии, перевороты. Они помнили его — каким он был раньше. И каким стал. Ник прошёл в гостиную. Высокие потолки, лепнина, люстра, которая не зажигалась уже лет пятьдесят — темнота была привычнее дыхания. На стене висел портрет. Женщина с тёмными волосами и холодными глазами. Его мать. Та, что обратила его в это. — Ты опять смотрел на неё, — раздалось из кресла у камина. Ник не обернулся. — Зачем ты пришёл? — Проверить, как ты, брат, — из тени поднялся Аарон. Его старший брат. Тот, кто всегда был любимчиком матери. Короткие тёмные волосы, холодные серые глаза, хищная улыбка. Он выглядел на тридцать пять, хотя прожил в разы больше. — Говорят, ты нашёл девчонку. Ник усмехнулся. — Слухами город полнится. — Ты никогда не проявлял интерес к смертным. А тут — хожу, смотрю, наблюдаю. Что в ней такого? Ник подошёл к бару, налил виски. — Она не поддаётся. Внушению. Моему внушению. Аарон замолчал. Потом медленно поднялся. — Этого не может быть. — Я сам не поверил. Но это так. — Ты проверил вербену? — Нет вербены. Я чувствую. Аарон сделал шаг ближе. В его глазах зажглась зна-

комая холодная жестокость.— Тогда от нее надо избавиться. Если она не поддается, она опасна. Для всех нас. Ты слишком мягок, Ник. Как всегда. Ник обернулся. В его взгляде вспыхнула тьма.— Я сам решу, что с ней делать. Ты не мать, Аарон. Не указывай мне. Аарон усмехнулся. Но отступил.— Берегись, брат. Смертные имеют привычку умирать. Особенно когда их убивают. Дверь закрылась. Ник остался один. Он посмотрел на портрет матери.— Она не поддается, — повторил он шёпотом. — И это меняет всё. Он не помнил отца. Только мать. Высокую, темноволосую, с глазами, которые никогда не улыбались. Её звали Амелия. Ник был её третьим сыном. И самым непокорным.— Ты слаб, — говорила она, когда он проливал кровь жертвы не так, как она учила. — Ты медлителен. Ты недостойн моего имени. Она не била его. Она была выше этого. Она заставляла его стоять на коленях часами, пока солнце поднималось над горизонтом, и его кожа начинала дымиться. Амелия верила, что боль закаляет.— Встань, — приказывала она. Ник поднимался, весь в ожогах, сжав зубы, чтобы не закричать.— Ещё, — говорила она. И он делал снова. И снова. Пока не научился не чувствовать боли. Пока не стал тем, кого боятся. Амелия умерла. Не от рук врага, а от рук близкого человека.. Ник сжёг её тело на костре. Не из уважения. Из ненависти, которую не мог выплеснуть. Он до сих пор иногда слышал её голос. «Ты слаб. Ты медлителен. Ты недостойн». Но теперь, когда он смотрел на Лану, которая не боялась его, которая смотрела прямо в глаза и не от-

водила взгляд, он думал: «А что бы сказала мать о ней?» И не знал ответа. Ник смотрел на портрет матери, пока за окном не начало светать. Он вышел из особняка. Ему нужно было увидеть её снова. А в это время Лана проснулась, быстро собралась и выбежала в школу, кинув напоследок Луизе - Хорошего дня! - но ответа не последовало. В школе она громко засмеялась, заходя в класс. Учитель поднял бровь, но ничего не сказал. Лана плюхнулась на заднюю парту, открыла скетчбук и начала рисовать. — Опять глаза? — раздалось над ухом. Лана подняла голову. Зои стояла рядом, спокойная, как всегда. — Что за человек? — Никакой, — ответила Лана, закрывая скетчбук. — По тебе не скажешь. — Зои, отстань. Подруга пожала плечами и отошла. Лана осталась одна. Она смотрела на рисунок. Глаза Ника смотрели на неё со скетчбука. После школы — смена в баре. Она переоделась в чёрное платье, завязала волосы в хвост, вышла за стойку. К вечеру бар наполнился. Лана разносила заказы, улыбалась, шутила. Но внутри всё сжималось. Она ждала его. И он пришёл. Не один. С ним был другой. Короткие тёмные волосы, холодные серые глаза. Он выглядел на тридцать пять, но в нём чувствовалось что-то древнее. И знакомое. Ник сел за столик в углу. Другой — его брат, как она потом поняла — остался стоять у стойки. Он смотрел на Лану. Не отрываясь. — Привет, — сказал он. — Ты, наверное, Лана. — А ты? — Аарон. Брат Ника. Он улыбнулся. Но улыбка была холодной. — Он много о тебе рассказывал. — Compliments? — Скорее пре-

дупреждения. Он сделал шаг ближе. Лана не отступила. — Ты не боишься, — сказал Аарон. — Это интересно. — Я многих не боюсь. — Зря. Бар гудел. Музыка, крики, звон стаканов — никто не смотрел в их сторону. Или делал вид, что не смотрит. Он резко протянул руку и схватил её за запястье. Пальцы ледяные, сильные. Лана дёрнулась — не смогла вырваться. — Отпусти, — сказала она тихо, но твёрдо. Аарон наклонился к её уху. — А если нет? В этот момент его глаза потемнели. Стали чёрными. Бездонными. На секунду ей показалось, что она видит клыки. — Аарон, — раздалось за спиной. Ник стоял в двух шагах. Его голос был спокоен, но в нём чувствовалась сталь. — Отпусти её. Сейчас. Аарон медленно разжал пальцы. Отступил. — Я просто проверял, — сказал он. — И ты был прав. Она особенная. Он усмехнулся и вышел из бара. Лана стояла, потирая запястье. Смотрела на Ника. — Что это было? — Это был мой мир, — ответил он. — Добро пожаловать. Она смотрела в его глаза. Теперь она знала. Всё встало на места. Его сила. Его взгляд. То, как он двигался. Как появлялся из ниоткуда. Как смотрел на неё — как голодный смотрит на еду, но сдерживается. И этот холод. Ледяные пальцы Аарона. Чёрные глаза. Клыки, которые ей не показались. — Ты не человек, — сказала она тихо. Не вопрос. Утверждение. Он не ответил. Только усмехнулся. — Теперь испугалась? Лана молчала. Сердце колотилось. Внутри всё дрожало. Но она сжала зубы и посмотрела прямо на него. — Нет, — сказала она. — Теперь я хочу знать, зачем

ты здесь. Зачем следишь за мной. И почему твой брат хотел меня убить. Ник долго смотрел на неё. Потом медленно кивнул.— Потому что ты — первая за многие века, кто не поддается. Мы не знаем, почему. Но мы узнаем. Он развернулся и вышел из бара. Лана осталась одна. Сжимая край стойки. В голове гудело. Не поддается. Не поддается чему? Она посмотрела на своё запястье. Там ещё остались следы его пальцев.— Кто вы такие? — прошептала она в пустоту. Но ответа не было.

Глава 4

Лана проснулась от того, что запястье болело. Она поднесла руку к лицу. На коже красовались сине-фиолетовые следы — там, где пальцы Аарона сжали её вчера. — Не приснилось, — прошептала она. Она села на кровати, посмотрела на окно. За стеклом серело утро Нового Орлеана. Лана натянула лёгкое белое платье, которое купила прошлым летом. Короткое, с цветочным принтом. Волосы распустила, сунула ноги в кеды. Скетчбук — в рюкзак. Луиза уже гремела на кухне. Лив, как всегда, сидела в телефоне. — Ты сегодня нарядная, — заметила Лив, поднимая глаза. — Просто захотелось, — ответила Лана. Она вышла из дома, насвистывая мелодию. В школе она села на заднюю парту, открыла скетчбук и уставилась на пустой лист. Рука не рисовала. — Ты сегодня тихая, — раздалось над ухом. Лана подняла голову. Зои стояла рядом, спокойная, как всегда. — Всё нормально, — соврала Лана. — Ты врёшь, — Зои села на соседний стул. — Я вижу. Что случилось? Лана хотела отмахнуться, но что-то внутри остановило. — Потом расскажу, — сказала она. — Обещаю. Зои посмотрела на неё долго. Потом кивнула. — Хорошо. После школы Лана не пошла домой. Она заскочила в городскую библиотеку — старую, с высокими потолками и запахом пыли. — Что ищешь? — спросил библиотекарь, лысый мужик с большими очками. — Всё, что связано с городски-

ми легендами. С вампирами. Он усмехнулся. — Подростки, — покачал головой, но кивнул на дальнюю полку. — Третий ряд, секция с краеведением. Лана нырнула в стеллажи. Через час она сидела за столом, окружённая газетными вырезками и старыми книгами. Ничего конкретного. Легенды о проклятых семьях, о странных исчезновениях, о «детях ночи», которые правят городом из тени. Одна вырезка привлекла её внимание. Пожелтевшая газета. «Труп мужчины обнаружен на Французском квартале. Шея разорвана. Свидетели утверждают, что видели блондина в чёрной куртке, исчезающего в переулке». Лана пробежала глазами статью. В конце — приписка от редакции: «Местные жители считают, что городом правит древняя кровь. Власти не комментируют». Она прочитала адрес особняка, упомянутый в статье. Французский квартал, улица Сент-Энн. Это был не её район. Вечером — смена в баре. Лана переоделась в чёрное платье, завязала волосы в хвост. Запястье всё ещё болело, но она стянула его широким браслетом. Бар наполнился к девяти. Лана разносила заказы, улыбалась, шутила. Ждала. Ник не пришёл. Вместо него в углу сидел Аарон. Один. Пил виски и смотрел на неё. Лана чувствовала его взгляд кожей. Подошла к столу. — Чего тебе? — Просто хотел убедиться, что ты в порядке, — он усмехнулся. — Рука не болит? — Ничего, зажиёт. — Ты смелая, — сказал Аарон. — Или глупая. Ещё не решил. — А ты жестокий, — ответила Лана. — Или просто скучаешь. Он рассмеялся. Тихо, холодно. — Берегись, Лана.

Мой брат не такой, каким кажется. Ты для него как игрушка. Зверюшка, с которой можно поиграть и выбросить. Он встал, положил на стойку купюру и вышел. Лана смотрела ему вслед. Аарон был высоким — даже выше Ника. Широкие плечи, короткие тёмные волосы, холодные серые глаза, которые смотрели так, будто раздевали тебя до костей. В его улыбке не было тепла — только насмешка и превосходство. Он двигался бесшумно, как хищник, и от него пахло так же — не смертью, а чем-то древним, опасным, что не знает пощады. Она поняла: если Ник ещё играет, то Аарон убивает. Без сомнений. Без сожалений. Особняк на улице Сент-Энн Аарон вышел из бара и свернул в тёмный переулок. Ник ждал его у старого фонаря. — Ну? — спросил Ник. — Она не боится, — ответил Аарон. — Даже после того, как я схватил её. Даже после того, как увидела мои глаза. Ник усмехнулся. — Я же говорил. — Ты говорил, что она особенная. А я говорю, что она опасная. Что-то в ней проснулось. И это что-то может уничтожить нас всех. Ник молчал. Смотрел на брата в упор. — Ты хочешь её убить. — Должен кто-то из нас быть разумным, — Аарон сделал шаг ближе. — Она не поддаётся внушению. Если об этом узнают другие... если она попадёт в руки охотников... мы все будем под угрозой. Ты понимаешь это, брат? — Понимаю. Они вернулись в особняк. Старое здание из серого камня, с высокими окнами и коваными решётками. Плющ обвивал стены, кое-где закрывая выцветшие фрески. Внутри пахло пылью и старым деревом. Гости-

ная была огромной. Высокие потолки с лепниной, на стенах — портреты в массивных рамах. Люстра не горела — братья не нуждались в свете. В углу — камин из чёрного мрамора, холодный, как и всё в этом доме. Мебель старинная, тяжёлая, обитая тёмным бархатом. На столике у кресла — недопитый бокал с чем-то красным, что не было вином. Аарон прошёл к камину, остановился, глядя на холодные угли. — Ты видел её сегодня, — сказал он не оборачиваясь. — Она не дрожала. Не отводила взгляд. Такие не сдаются. Такие идут до конца. А когда такая, как она, узнаёт правду о нас... что она сделает? Прибежит к охотникам? Или сама возьмёт в руки кол? Ник молчал. — Она опасна, брат. Не сейчас. Но скоро. Мы должны убрать её, пока не поздно. — Ты говоришь об убийстве, как о чистке зубов, — усмехнулся Ник. — А ты говоришь о ней, как о чём-то большем, чем просто смертная, — Аарон резко развернулся. — Она для тебя кто? Игрушка? Зверюшка, которую ты приручаешь? Или ты реально думаешь, что она может стать одной из нас? Ник молчал. Смотрел на брата в упор. — Я думаю, что она — первая за сотни лет, кто заставил меня сомневаться, — сказал он тихо. — Вот это и пугает, — ответил Аарон. — Не её сила. Твоя слабость. Он вышел из гостиной, оставив Ника одного. Ник смотрел на портрет матери на стене. Её холодные глаза смотрели в ответ. — Что мне с ней делать? — спросил он шёпотом. Портрет молчал. Лана Домой она вернулась поздно. Луиза уже спала. Лив уткнулась в телефон в своей комнате. Лана закрыла дверь в

спальню, прислонилась к ней спиной. Комната встретила её привычным уютом. Стены мягкого серо-голубого цвета, на стенах — её рисунки. Она подошла к окну, забралась на подоконник и обхватила колени руками. За окном мерцали огни Нового Орлеана. Лана достала скетчбук и начала рисовать. Аарона. Его холодную улыбку. Серые глаза, которые смотрели сквозь неё. Широкие плечи, короткие тёмные волосы — всего несколько штрихов, но образ уже вставал со страницы. Она не знала зачем. Рука рисовала сама. Кто он? — думала Лана. Почему он злее Ника? Почему от него веет такой опасностью? Она остановилась, посмотрела на рисунок. Аарон смотрел на неё. Холодный, жестокий, хищный. Лана поняла: Ник — не самое страшное, с чем ей предстоит столкнуться. За окном мерцали огни Нового Орлеана. Ответов не было.

Глава 5

Карнавал на Французском квартале кипел. Узкие улочки были забиты людьми в масках и костюмах. С балконов свисали гирлянды золотых и фиолетовых фонариков, в воздухе пахло жареными пончиками, кофе с цикорием и джазом, лившимся из каждого бара. Лана и Зои шли сквозь толпу. Зои как всегда была спокойна, но даже её серые глаза ожились. — Ты выбрала красивое платье, — сказала она, косясь на подругу. — Спасибо, — ответила Лана, поправляя локон. Она выбрала наряд специально: платье цвета океана, открытые плечи, лиф с серебряной вышивкой — волны и звёзды. Волосы распущены крупными локонами, которые падали на плечи. На шее — кулон в виде синего цветка в серебряной оправе. Маска — синяя, бархатная, на палочке. Зои выбрала простое нежно-лавандовое платье и белую маску без украшений. Неброско, но со вкусом. — Ты сегодня словно с картины, — заметила Зои. Лана усмехнулась. — Стараюсь. Они танцевали на площади. Лана кружилась под звуки саксофона, смеялась, чувствуя себя почти счастливой. Зои стояла рядом, иногда кивая в такт, иногда касаясь её плеча — будто проверяла, что та никуда не исчезла. Но в какой-то момент Лане надоела толпа. Она отпросилась у Зои, пообещав вернуться через пять минут. — Только осторожно, — сказала подруга. — Всегда. Лана поднялась на маленький балкончик.

к, сверху карнавал выглядел ещё красивее: огни, как звёзды, движущиеся реки людей, смех и музыка. Она сняла маску, вдохнула полной грудью. — Потерялись, мисс? — раздалось за спиной. Она не вздрогнула. Узнала голос. — Отдыхаю. А вы? Ник стоял в двух шагах. Без маски. Без карнавального костюма — в своей обычной одежде: чёрная майка, коричневая кожаная куртка, джинсы. Но здесь, в этом мире масок и огней, он выглядел чужим. И оттого ещё более притягательным. Он смотрел на неё. Внимательно. Как будто видел в первый раз. — Что? — спросила Лана. — Платье, — сказал он. — Ты... выглядишь иначе. — Карнавал, — она пожалала плечами. — Можно быть кем угодно. Он усмехнулся, но взгляд скользнул ниже — на её шею. И замер. На Лане висел кулон. Синий цветок в серебряной оправе. Ник напрягся. — Откуда это у тебя? — спросил он, стараясь говорить ровно. — Что? — Лана коснулась подвески. — Эта старая цацка? Семейная реликвия. Мать подарила. — Семейная? — Ну да. Из поколения в поколение передаётся. Какая-то пра-пра-бабушка носила. А что? Ты выглядишь странно. Он не ответил. Протянул руку, но не дотронулся. Замер в сантиметре от холодного стекла. — Ник? — позвала Лана. Он отдёргнул руку. — Ничего. Просто... красивая вещь. Лана посмотрела на него внимательно. Что-то в его голосе было не так. Но она не стала давить. Лана никогда не задумывалась о происхождении кулона. Мать сказала — семейное, и ладно. Но теперь, глядя на реакцию Ника, она подумала впервые: а что, если эта старая

цацка — не просто украшение?» — Пойдём, — вдруг сказал Ник. — Куда? — Танцевать. Лана хотела отказаться, но он уже протянул руку. Она посмотрела на его ладонь — бледную, с длинными пальцами. Опасно. Но почему-то не хотелось отказываться. Она вложила свою руку в его. Он спустил её с балкона прямо в толпу. Не за руку — за талию. Лёгкое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки. Музыка играла медленную, тягучую. Саксофон стонал, пианино переливалось. Ник вёл её. Нежно, но властно. Она чувствовала его дыхание на своей шее, запах — дорогой парфюм и что-то ещё. Что-то древнее. Опасное. — Ты хорошо танцуешь, — сказала она, не поднимая глаз. — Я много практиковался, — ответил он. — В моё время это было обязательно. — В твоё время? Он усмехнулся. — Давно. Лана подняла голову. Их глаза встретились. В его — тьма, в её — вызов. — Ты странный, — сказала она. — Ты не боишься. — Это одно и то же? — Иногда. Музыка стихла. Ник отпустил её. Лана почувствовала пустоту. — Мне пора, — сказала она. Он кивнул. — Будь осторожна, Лана. Она улыбнулась и ушла в толпу. Ник остался стоять, глядя ей вслед. В голове билась одна мысль: Как этот кулон оказался у неё? Он не заметил, как с соседнего балкона за ним наблюдали. Аарон стоял в тени, скрестив руки на груди. Его холодные серые глаза следили за каждым движением брата. — Ты теряешь время, — прошептал он себе под нос. — И голову. Он смотрел, как Ник провожает взглядом синее платье, теряющееся в толпе. В его взгля-

де не было обычной холодности. Было что-то другое. То, чего Аарон боялся больше всего. Слабость. Аарон развернулся и исчез в темноте. Ему не нравилось, куда всё катится. Позже. Дом Ланы. Она сняла платье, распустила волосы. Села на подоконник, обхватив колени руками. В руках — кулон. Синий цветок мерцал в свете ночника. Лана провела пальцем по лепесткам. Вспомнила его взгляд. Как он смотрел на эту безделушку. Как напрягся. Как спросил: «Откуда это у тебя?» — Что ты знаешь? — прошептала она в пустоту. — Что ты скрываешь? Ответа не было. Она достала скетчбук и начала рисовать. Не карнавал. Не Ника. Женщину. Русые волосы с лёгкой рыжиной, большие голубые глаза — бездонные, как океан. Та самая, которую она видела во сне? Или просто придумала? Лана не знала. Но рука рисовала сама. За окном мерцали огни Нового Орлеана. История только начиналась.

Глава 6

Особняк на улице Сент-Энн. Ночь.

Аарон ждал в гостиной. Сидел в кресле у камина, потягивая виски. Когда Ник вошёл, он не поднялся. Только усмехнулся.

— Развлёкся, брат?

Ник молча прошёл к бару, налил себе.

— Ты за мной следил.

— Я слежу за порядком. А ты, кажется, забыл, кто мы.

Аарон встал, подошёл ближе. Его серые глаза блестели в полумраке.

— Танец на карнавале? Серьёзно, Доминик? Ты что, влюбился в смертную девчонку?

Ник напрягся. Брат редко называл его полным именем.

— Не твоё дело.

— Моё, если ты ведёшь себя как мальчишка, — Аарон усмехнулся. — Ты уже проходил этот путь. Элоиза. Красивая, смелая. Тоже не боялась. Тоже казалась особенной.

Ник замер. Аарон заметил это и вонзил когти глубже.

— Но она не любила тебя, брат. Никогда не любила. А ты был на ней помешан. Контролировал каждый шаг, каждое дыхание. Ты принуждал её любить тебя, потому что не выносил отказа. И что в итоге? Она предпочла смерть. Сбежала от тебя в могилу. Или ты забыл?

Ник молчал. Но его глаза почернели.

— Она не умерла, — выдавил он.

— Это ты так решил, — усмехнулся Аарон. — Чтобы не сойти с ума. Но правда в том, что она сбежала. Оставила тебя. И ты снова хочешь повторить ту же ошибку с этой девочкой? Принудить её быть рядом? Задушить своей одержимостью?

— Заткнись, — прошипел Ник.

— Или что? Убьёшь меня? — Аарон рассмеялся. — Я — единственный, кто тебе ещё не лжёт. Ты — монстр, брат. И эта девочка, Лана, рано или поздно это поймёт. И сбежит. Как Элоиза.

Ник не выдержал.

Он двинулся первым — без предупреждения, без замаха. Схватил Аарона за горло, прижал к стене. Глаза его стали чёрными, клыки вышли. Вены на лице вздулись.

— Я не позволю тебе говорить о ней, — прорычал он. — Ни о той, ни об этой.

Аарон, задыхаясь, улыбнулся.

— Слабость, — прохрипел он. — Одна и та же слабость. Она тебя погубит, Доминик.

Ник отпустил брата. Тот сполз на пол, кашляя.

— Убирайся, — сказал Ник. — Пока я не передумал.

Аарон встал, потирая горло.

— Ты всегда был одержим, брат. Сначала ею. Теперь этой. Но запомни: ни одна смертная не остаётся с тобой по сво-

ей воле. Рано или поздно она захочет уйти. И тогда ты покажешь своё истинное лицо.

Он вышел, оставив Ника одного.

Ник смотрел на портрет матери. Её холодные глаза смотрели в ответ.

— Я не такой, — прошептал он. — Я изменился.

Но голос внутри шептал: Ты не изменишься никогда.

Воспоминание Ника Париж, 1765 год.

Он увидел её впервые на балу у герцога де Монморанси.

Она стояла у окна в платье цвета слоновой кости. Элоиза не танцевала, не болтала с другими гостями. Просто смотрела в сад, и на её лице застыло выражение скуки.

Ник подошёл.

— Вы потерялись, мадемуазель?

Она повернулась. Голубые глаза, бездонные, с лёгкой усмешкой.

— Нет. Просто мне здесь неинтересно.

— А что вам интересно?

Она посмотрела на него внимательно.

— То, чего нельзя понять. То, что убивает.

Ник усмехнулся. Ему показалось, что она флиртует.

— Опасные желания.

— Опасные люди, — ответила она и отошла.

Ник остался стоять. В груди полыхнуло — смесь гнева, любопытства и чего-то ещё, чего он не испытывал давно. Она не подчинилась. Не испугалась. Не заискивала. Просто ушла,

даже не обернувшись.

Он сжал кулаки.

— Ты ещё вспомнишь меня, — прошептал он ей вслед.

Он не мог забыть её.

Она не отвечала на его письма. Отказывалась от приглашений. Избегала балов, где могла встретить его.

Тогда Ник подкараулил её в парке. Элоиза гуляла одна, с книгой в руках, не подозревая об опасности.

Он вышел из-за дерева.

— Ты навязчив, — сказала она, не вздрогнув.

— Ты невыносима, — ответил он.

— Мы не пара.

— Мы будем парой. Я решу.

Она закрыла книгу, посмотрела на него. Без страха.

— Ты не можешь заставить меня любить тебя, Ник. Как бы сильно ни хотел.

— Посмотрим, — прошептал он, наклоняясь к её шее.

Она не отшатнулась. Но её губы сжались.

— Ты будешь проклинать день, когда встретил меня, — сказала она тихо.

Ник не поверил. А зря.

Ник открыл глаза. Воспоминание ушло, оставив после себя только горечь. Он посмотрел на портрет матери, потом на дверь, за которой скрылся Аарон. И подумал: а правда ли он изменился?

После школы. По дороге домой. Лана и Зои шли по тро-

туару, обходя лужи после утреннего дождя. Лана щебетала о карнавале, о музыке, о том, как красиво горели фонари. Зои молчала.

— Ты сегодня слишком громкая, — наконец сказала Зои.

— А когда я была тихой с тобой, ты тоже была недовольна,

— рассмеялась Лана.

Зои остановилась.

— Мне не нравится этот парень.

Лана тоже остановилась.

— Какой?

— Тот, с карнавала. Который смотрел на тебя как... — Зои подбирала слово, — как маньяк. Который танцевал с тобой и потом смотрел вслед.

Лана засмеялась. Громко, искренне.

— Зои, он просто странный.

— Он навязчивый. Я видела, как он за тобой ходит. В школе? Он там появляется. В баре? Он там сидит. На выставке? Он пришёл. Тебя это не пугает?

Лана перестала смеяться.

— Ты преувеличиваешь.

— Ничуть, — Зои посмотрела ей прямо в глаза. — Он следит за тобой, Лана. Это не нормально. Это опасно.

Лана вздохнула.

— Он просто... такой. Может, ему скучно.

— Или он псих.

Лана снова рассмеялась, но уже тише.

— Спасибо за заботу, Зои. Но я справлюсь.

Лана сказала это бодро, но внутри похолодела. Потому что Зои была права. И это пугало больше всего.

— Я знаю, — подруга пожала плечами. — Но будь осторожна. Такие, как он, не отстают просто так.

Они пошли дальше. Лана прикусила губу — слова Зои упали в душу, как камень.

Позже. Дом Ланы. Она не спала. Сидела на подоконнике, глядя на огни города. Кулон грел кожу.

Лана коснулась синего цветка, сжала кулон и закрыла глаза.

За окном мерцали огни Нового Орлеана.

Ответа не было.

Глава 7

На следующий день после разговора с Зои Лана была сама не своя. Слова подруги засели глубоко: «Он навязчивый. Он следит за тобой. Такие, как он, не отстают просто так». Вечером, перед сменой, она столкнулась с Ником у входа в бар. Он стоял под фонарём, дожидаясь её. — Привет, — сказал он, делая шаг к ней. Лана отступила. — Не подходи. Он удивлённо поднял бровь. — Ты чего? — Я сказала — не подходи, — голос Ланы дрогнул, но она сжала кулаки. — Ты следишь за мной. Ходишь за мной по пятам. И мне это не нравится. Ник напрягся. — Лана — Ты меня пугаешь, — выпалила она. — Остановись. Оставь меня в покое. Она развернулась и ушла, не оглядываясь. Ник остался стоять под фонарём. В его глазах зажглась тьма. Гнев, обида, что-то животное. — Ты ещё пожалеешь, — прошептал он в пустоту. В ту ночь Ник не спал. Он пил. Виски, коньяк, кровь — всё подряд. Особняк гудел. Аарон ушёл, не выдержав этой агонии. — Она отказала мне, — рычал Ник в пустоту. — Как тогда. Как Элоиза. Та же песня. Он разбил бутылку о стену. Глаза почернели, клыки вышли. — Ты ещё полюбишь меня. К полуночи он был в бешенстве. Вылетел из дома и отправился искать добычу. Любую. Лишь бы заглушить боль. Бар гудел. Лана разносила заказы, но внутри всё дрожало. Она не знала, придёт ли он сегодня. Боялась. За стойкой сидела девушка — блондинка,

туристка, болтливая и весёлая. Заказала мохито, тараторила о карнавале.— Ты местная? — спросила она Лану.— Да — ответила Лана, вытирая стойку.— А тот парень в углу — твой бывший? Он на тебя так смотрит Лана обернулась. Ник сидел за столиком, буравил её взглядом. В его глазах не было прежней усмешки. Была тьма. Бешенство.— Не подходи к нему, — сказала Лана девушке. — Серьёзно. Та рассмеялась. Час спустя Лана вышла на задний двор — проветриться. Блондинка выскользнула следом.— Ух, душно, — она закурила. — А твой друг там ещё Договорить не успела. Из темноты вылетела тень. Ник рванул из темноты. Лана успела отшатнуться — и он вцепился в другую. В ту, что была ближе Он прижал её к стене, зажал рот.— Не кричи, — прошептал он. — Не порти мне ужин. Лана смотрела в ужасе. Его глаза стали чёрными, бездонными. Вены на лице вздулись, клыки вышли. Он впился в шею девушки. Та захрипела, дёрнулась и затихла. Лана не могла двинуться. Не могла закричать. Ник оторвался от жертвы, повернулся к ней. Кровь стекала по подбородку. Он улыбнулся — холодно, хищно.— А теперь боишься? Он сделал шаг к ней. Лана не отступила. Смотрела в его чёрные глаза.— Нет, — сказала она тихо. Он замер.— Что? — Я не боюсь тебя, — повторила она. — Мне жаль тебя. Он отшатнулся, будто от пощёчины.— Жаль? — Ты жалок, — сказала Лана. — Ты думаешь, что сила решает всё. Но ты просто одинокий монстр, который не умеет любить. Ник зарычал, сжал кулаки.— Ты не понимаешь — Я

всё понимаю, — перебила она. — Убирайся. Он посмотрел на неё. В его взгляде смешались ярость, боль, стыд. Он развернулся и исчез в темноте. Лана осталась стоять. Она стояла, не чувствуя ног. Горло сдавило, но она заставила себя достать телефон. Смотрела на тело блондинки. На кровь. На пустой переулок. Внутри всё дрожало, но она не плакала. — Приезжайте, — сказала она. — Здесь девушка. Ей нужна помощь. Полиция приехала через семь минут. Скорая — следом. Лана сидела на корточках у стены, обхватив колени руками. Её трясло. — Вы что-то видели? — спросил полицейский, молодой, с усталыми глазами. — Тень, — сказала Лана. — Кто-то напал на неё. Я не рассмотрела лицо. — Вы уверены? — Я ничего не видела, — повторила она твёрже. Ей не поверили, но отпустили. Домой она добралась пешком. Два квартала заняли целую вечность. Ноги не слушались. Она влетела в дом, закрыла дверь на замок. Луиза уже спала. Лив, наверное, в своей комнате. Лана поднялась к себе, рухнула на кровать. Не раздеваясь. Закрыла глаза — и снова увидела. Чёрные глаза. Вены на лице. Клыки. Кровь на подбородке. Его улыбку. Холодную, хищную. — А теперь боишься? Лана открыла глаза. Сердце колотилось. Внутри всё дрожало. Она села, обхватила колени руками. Впервые за долгое время ей стало по-настоящему страшно. Не за себя. За Зою. За Лив. За мать. «Ты в опасности. И твои близкие тоже» — вспомнила она слова Аарона. Лана сжала кулон в кулаке. — Что мне делать? — прошептала она в пустоту. Ответа не бы-

ло. На следующий день в школе Зои ждала её у входа. — Лана, что случилось? Ты не отвечала на звонки. Лана оглянулась по сторонам. Потом взяла подругу за руку и оттащила в сторону. — Не здесь, — сказала она шёпотом. — После уроков. Я всё расскажу. Зои побледнела, но кивнула. Ю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.